

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'243 +811.161.1+811.21

doi: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.163-179

ПОЛИЛИНГВАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Т.Ю. Тамерьян¹, Я.В. Датиева^{1,2}

¹*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, 362025, Россия*

²*Северо-Осетинская государственная медицинская академия,
г. Владикавказ, 362025, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы поэтапного внедрения инокультурных элементов в языковое сознание иностранцев, проживающих в Северной Осетии. Ее актуальность и новизна обусловлены недостаточной исследованностью данного сегмента кросс-культурной коммуникации, потребностью в более детальной разработке каналов культурно-языковой адаптации мигрантов. На основе мониторинга динамики освоения иностранных языков в поликультурной среде выполнено моделирование сегментов языкового ландшафта полилингвов. Проведен детальный анализ реакций на сложный стимул, описывающий получение образования иностранцами в России на периферии. На основе полученных экспериментальных данных выделены общие когнитивные признаки, которые сформированы реакциями на стимул на каждом этапе обучения и освоения новых языков, по результатам анализа вербальных репрезентаций смоделированы структурирующие каждый подпласт понятийные и полярно оценочные субпризнаки. Выявлены коммуникативные стратегии реагирования иностранцев на стимул на каждом этапе интеграции в новую культурно-языковую среду. Определена специфика встраивания инокультурных элементов в языковое сознание выходцев из другой страны, а также зафиксирована последовательность смены и переключения языковых кодов во время эксперимента в зависимости от глубины погружения в чужие естественно-языковые условия.

Ключевые слова: полилингвизм, ассоциативный эксперимент, мониторинг освоения языка, концептуальное моделирование, динамика интеграции, коммуникативная стратегия

Введение

Российское образование вобрало в себя лучшие достижения советской педагогической науки и продолжает активно их развивать, что объясняет его востребованность во многих странах мира. По этой причине российские университеты по-прежнему считаются лидерами высшего образования не только в пределах постсоветского пространства, но в странах дальнего зарубежья. Один из самых значительных потоков абитуриентов фиксируется из Индии – страны, с которой Россия традиционно поддерживает межгосударственные связи на разных уровнях. Получение образования в чужой стране сопряжено с объективной необходимостью расширения культурно-языкового ландшафта, что побуждает иностранных

студентов к выстраиванию межкультурной коммуникации в естественной среде и инкорпорации в картину мира инокультурных сегментов (СЕР).

В современных лингвоантропоцентрических исследованиях мощным инструментом проникновения в индивидуальное, групповое и коллективное языковое сознание служат техники психолингвистических экспертиз, среди которых наиболее востребованными являются различные виды ассоциативных экспериментов. Теоретическая база для такого рода методик, их прагматика и исследовательский потенциал изложены в работах [1–4]. Результаты исследования специфики вербализации картины мира индивида при обучении иностранных студентов языку принимающей страны отражены в работах [5–7]. Детальному рассмотрению условий проведения различных видов психолингвистических экспериментов, критериев отбора респондентов, методик анализа и способов интерпретации полученных результатов посвящены исследования [8–14].

В ряде изысканий рассмотрены вопросы социокультурной и языковой адаптации и интеграции в новой поликультурной среде, а также различные аспекты идентичности полиязычных индивидов и групп [15–19]. Проблемы функционирования двуязычия и специфика реализации коммуникативных задач в различных типах дискурса посредством русского и осетинского языковых кодов раскрыты в работах [20–22] и др.

Знание национального языка принимающей страны является одним из важнейших факторов, способствующих межкультурной адаптации [23, 24]. Значительное количество работ посвящено выявлению стереотипов о русских и России в языковом сознании иностранцев [25, 26].

В ряде исследований отражены особенности вербализации перестройки сознания личности при обучении иностранных студентов языку принимающей страны [27, 28].

В недавних коммуникативных изысканиях проблем постсоветского языкового пространства и функционального потенциала российского многоязычного ландшафта особое внимание уделяется вопросу о прагматике переключения языковых кодов [29, 30].

Материалом для исследования послужили данные, полученные в результате проведения пяти этапов ассоциативного эксперимента среди 325 студентов-индийцев мужского и женского пола в возрасте от 17 до 30 лет. Первую группу составили иностранные студенты первого года обучения (2019–2020 гг.), вторую – второго года обучения (2018–2019), третью – третьего года обучения (2017–2018), четвертую – четвертого года обучения (2016–2017), пятую – пятого года обучения (2015–2016). Испытуемым было предложено дать ответы на английском, русском, осетинском или иных языках в зависимости от степени владения на стимул рус. «Владикавказ» / англ. “Vladikavkaz” / осет. «Дзауджыхъæу».

Предпринятое исследование опирается на метод контекстуального анализа и концептуального моделирования, технику вербальных ассоциаций, психологический и лингвокогнитивный анализ типичных ошибок и языкового смещения, интерпретацию коммуникативных стратегий с учетом особенностей полилингвизма, поскольку студенты-индийцы оперируют определенным набором родных и государственных языков, имеют различные уровни владения английским и русским языками.

Целью настоящего исследования является выявление динамики культурно-языковой инкорпорации и конвергенции посредством анализа вербальной экспликации ядра ассоциативного пласта заявленного стимула.

Результаты и их обсуждение

Анализ трехязычного стимула рус. «Владикавказ» / англ. “Vladikavkaz” / осет. «Дзауджыхъæу» производится на основе макроструктурной модели ассоциативного пласта одноименного концепта, ядерную зону которого составляют энциклопедический компонент и поле интерпретации, выраженное зоной оценочных суждений. Нуклеарные реакции по данным пяти этапов эксперимента составили 1992 реакции.

2019–2020 (первый год обучения).

1. Когнитивный признак «пищевое поведение» (181):

I mostly buy Indian spices for food. / «В основном я покупаю индийские специи для приготовления еды»; *I never tried any Ossetian food* / «Я никогда не пробовал осетинскую еду»; *Here we eat таук¹. In India, we call it shawarma* / «Мы едим здесь таук. В Индии он называется шаурма»; *I buy things in rynak, like rice, vegetables like potato, tomato and some spices* / «Я покупаю продукты на рынке, например рис, овощи, такие как картофель, помидоры и некоторые специи»; *I cook rice, chicken gravy, egg gravy* / «Я готовлю рис, куриный соус и яичную подливку»; *I miss mostly here Indian dishes like our chay, samosa, jalebi, egg rolls, litti chokha and spices that are not here* / «Я скучаю здесь (в России) по индийским блюдам, таким как чай, самоса, джалеби, яичные рулетики, литти чоха, и специям, которых здесь нет»; *У нас есть хороший повар в общежитии. Он готовит индийские блюда; First ossetian food I ate kartushka, I like it* / «Первое осетинское блюдо, которое я попробовал, – это картошка, и мне она нравится»; *Я сама готовлю еду, я привезла специи из Индии и готовлю индийские блюда; Специи здесь нехорошего качества; I like таук* / «Мне нравится таук»; *I eat at KFC and Burger King* / «Я ем в KFC и в Burger King».

2. Когнитивный признак «культурные события» (156).

Субпризнак «календарные праздники» (85):

On our Diwali holiday we can't use fireworks and this is a big problem / «В наш праздник Дивали мы не можем пользоваться фейерверками, и это большая проблема»; *There are no difficulties regarding the celebration of our national festivals* / «Не возникает никаких трудностей по поводу празднования наших национальных праздников»; *Мы празднуем День независимости Индии и День Республики в нашем общежитии; Я скучаю по нашим фестивалям и культуре; Новый год; День Победы.*

Субпризнак «культурное своеобразие» (71): *Russia has very different cultures, some cultures are similar to India* / «В России очень разные культуры, некоторые культуры похожи на индийские»; *интересная культура и традиции; осетинский танец.*

¹ Здесь и далее сохранена орфография ответов респондентов. Выделения полужирным шрифтом маркируют единицы, представляющие значимость в рамках исследования.

3. Когнитивный признак «языки общения» (90): *The Russian language is difficult* / «Русский язык трудный»; *Some teachers don't understand me because I don't know Russian* / «Некоторые преподаватели не понимают меня, потому что я не знаю русский язык»; *Very few people speak English well* / «Очень мало людей говорит хорошо по-английски»; *Русские люди не знают английский язык*; *Я не понимаю, что они* (русские и осетины) *говорят, потому что они говорят быстро*.

Как подтверждает анализ полученных реакций, в начальный период языковой адаптации индийцы использовали только английский языковой код или же предоставляли перевод англоязычных ответов на русский язык посредством электронного переводчика, что в отдельных случаях приводило к искажению смысла высказывания: *Я скучаю по нашим фестивалям* (вместо *праздникам*; под влиянием англ. *festival* «фестиваль, праздник»: *I miss our festivals*).

Индикаторами запуска процесса усвоения отдельных русских лексем стало «вклинивание» в английские предложения транслитерированных латиницей русских онимов: *I buy things in rynak*; *I like our chay*; *I ate kartushka*. В качестве первого русскоязычного лексического интерферента зафиксировано слово *маук*: *Here we eat маук*.

Социокультурные аспекты адаптации иностранных студентов обусловлены в первую очередь необходимостью подстраивания к иному пищевому сценарию с характерной для него синергией русской и осетинской культур питания на Северном Кавказе. Индийские студенты первого года обучения еще не дифференцируют осетинскую и русскую кухни, считая *картошку* осетинским блюдом. Стратегия избегания вследствие неприятия чужого пищевого поведения проявляется в изоляционизме, страхе интеграции и компенсируется в некоторой степени посещением известных во всем мире сетей фастфуда – KFC и Burger King. С другой стороны, глубинными причинами таких предпочтений является отсутствие яркости и вкусовой насыщенности пищи в России, в отличие от индийской национальной кухни.

Принимая и понимая этническое богатство русской культуры, индийцы вместе с тем испытывают психологический стресс из-за отсутствия «фестивальности» и ритуализированной составляющей жизни с многочисленными национальными праздниками.

Культурное многообразие со свойственным ему разнообразием языков в Индии подразумевает повсеместное владение английским, в том числе его пиджинизированным вариантом – смесью английского, хинди и других индийских языков и диалектов. В этой связи пассивное или недостаточное для коммуникации владение английским в России, несмотря на то что значительная часть лекций для иностранцев читается именно на английском языке, осложняет включение индийцев в образовательный процесс. Нежелание на начальном этапе пребывания в России активно осваивать языки принимающей страны полностью соотносится с начальной стадией общей психологической теории адаптации мигрантов.

2018–2019 (второй год обучения).

1. Когнитивный признак «пищевое поведение» (190):

Нет индийских фруктов, таких как гуава, джекфрут, саподилла; *На рынке нет специй индийских*; *bland food* / «пресная еда»; *Чай без молока пьют* (во Вла-

дикавказе); *alcohol* / «алкоголь»; *Пиво много пьют русские люди; many different soups* / «разнообразие супов»; *Ossetian pies* / «осетинские пироги»; *картофчын* / «осетинский пирог с картофельной начинкой»; *Нет продуктов (специй) для приготовления национальной пицци*; *The spices in the markets are very expensive* / «Специи на рынках очень дорогие (во Владикавказе)»; *Now I eat some Russian dishes* / «Теперь я ем некоторые русские блюда»; *Я ем русская рыба (селедка) и картошка*; *Я покупаю индийские специи*; *Нет индийский специ на рынок*.

2. Когнитивный признак «языки общения» (164):

Russians don't know that much English / «Русские не так хорошо знают английский язык»; *Very few of them know English language* / «Очень немногие из них знают английский язык»; *Я плохо знаю русский язык, поэтому сейчас у меня возникли некоторые трудности*; *Обожаю восхождение осетинского языка*; *Плохое знание русского языка – это моя большая проблема*; *Everything is easy, except the language* / «Все дается легко, кроме языка (русского)».

3. Когнитивный признак «культурные события» (120).

Субпризнак «календарные праздники» (80):

Я знаю про русский Новый год и православное Рождество; *9 May* / «9 мая»; *Victory day* / «День Победы»; *Woman's day* / «Международный женский день»; *Я люблю традиционные осетинские танцы*; *Рождественская вечеринка*; *Новый год 31-го числа*; *День солдат*; *что-то вроде дня Победы*; *День России*; *Рождество*; *Новый год*; *День Победы Осетии*.

Субпризнак «культурное своеобразие» (40):

У них уникальная культура; *Я побывал на концертах, где смог познакомиться с культурой, бытом и традициями Северной Осетии*; *Мне очень нравится русская культура*; *мало фестивалей*; *Русская культура имеет долгую и богатую историю, пропитанную литературой, балетом, живописью и классической музыкой*.

У индийских студентов-информантов второго года пребывания во Владикавказе фиксируется спорадическое применение коммуникативной стратегии перевода ответов с английского языка на русский посредством электронного переводчика, что может приводить в том числе к искажению смысла высказывания: досл. пер. «*Русская культура имеет долгую и богатую историю, пропитанную литературой, балетом, живописью и классической музыкой*»; оригинал – *Russian culture has a long and rich history, steeped in literature, ballet, painting and classical music*.

Приводимый ниже пример фоссиллизации (устойчивые орфографические ошибки) является наиболее частотным для всех видов опросов среди индийских студентов: досл. пер. «*Обожаю восхождение Осетинского языка*»; оригинал – *I like the ascent of the Ossetian language*. После корректировки правописания была восстановлена смысловая целостность высказывания: *I like the accent of the Ossetian language*. – «Мне нравится осетинское произношение».

Отмечаются попытки описательной реноминации слов, не укоренившихся еще в лексиконе студентов-иностранцев, – *русская рыба* («селедка»); упрощенного написания частотных лексем бытовой тематики на осетинском языке – *картофчын* вместо *картофджын* («осетинский пирог с картофельной начинкой»).

Фиксируются примеры построения предложений на русском языке по английской синтаксической структуре: *Нет индийский специи на рынок.*

Студенты второго года обучения продолжают считать русскую кухню безвкусной – *bland food* («пресная еда»). Они сталкиваются со сложностями в приобретении подлинных индийских специй и испытывают острую потребность в привычных фруктах. Поскольку индийцы, приезжающие в Россию, как правило, являются выходцами из небогатых семей, которые к тому же платят за обучение, то жизнь в стране обучения оценивается ими как чрезмерно дорогая.

Отношение к алкоголю различно в штатах Индии, поскольку в некоторых из них введен сухой закон. Даже с учетом этого пиво является самым распространенным на их родине напитком. Индийцы отмечают чрезмерное, с их точки зрения, употребление крепких алкогольных напитков и пива во Владикавказе.

Понимание зависимости успехов в учебе от диапазона индивидуального языкового репертуара все еще носит двойную оценочность; с одной стороны, русские недостаточно владеют английским языком, с другой – происходит осознание собственных проблем при освоении государственного языка другой страны.

Индийские студенты второго года обучения включаются в культурный контекст принимающей страны: в ментальном конструкте «Россия – Северная Осетия» в процессе знакомства с традиционной культурой осетин вычленяется пласт «Северная Осетия». Не все общероссийские и осетинские праздники еще дифференцируются в новой картине мира обучающихся: возникает контаминированное образование *День Победы Осетии* и симплификация *День солдат* вместо *Дня защитника Отечества*.

Празднование Нового года в Индии может проходить четыре раза в год; в зависимости от штата оно приходится на 26 марта, 13–14 апреля, 10 марта или день Дипавали в ноябре, поэтому празднование в России «*Нового года 31-го числа*» является новым опытом для индийцев.

2018–2017 (третий год обучения).

1. Когнитивный признак «пищевое поведение» (110):

The food is different / «Еда другая»; *There are very tasty Ossetian pies* / «Там (во Владикавказе) есть очень вкусные осетинские пироги»; *Some foods are not available on the market* / «Некоторые продукты питания отсутствуют на рынке»; *кабускачын* / «осетинский пирог с капустой»; *фычик* / «осетинский пирог с мясной начинкой»; *Здесь пьют чай по-другому, без молока, только с кипятком*; *Куркума и перец очень мало в русских блюдах*; *They drink a lot of tea instead of water* / «Вместо воды они (русские и осетины) пьют много чая»; *Еда в Осетии не такая вкусная, как в Индии, очень пресная*; *Здесь большая часть еды готовится только в кипятке и с небольшим количеством специй*; *Здесь еда не острая*; *Для еды я покупаю яйца, хлеб, масло и молоко на завтрак*; *Я покупаю муку, рис, овощи здесь.*

2. Когнитивный признак «языки общения» (92):

Русские говорят очень быстро; *Я уже хорошо говорю по-русски, потому что мои русские друзья понимают меня*; *Есть разница в языках в городе*; *уважительная форма приветствия и форма приветствия для друзей*; *Now I can*

speak language and adapted to this environment / «Сейчас я могу говорить и адаптировался в окружающей среде»; *Я запоминаю некоторые фразы, такие как осет. маэ зардае* «мое сердце»; *Цас каны?* «Сколько стоит?»; *Когда я не могу говорить* новое слово, русские люди помогают мне, они понимают меня.

3. Когнитивный признак «культурные события» (80).

Субпризнак «культурное своеобразие» (41):

Кавказский танец, может быть я ошибаюсь в названии, но я видел много раз этот традиционный танец там (осет., рус. *симд*); *Так много слов приветствия и культурных слов; Мне нравятся осетинские танцы и одежда; Мне нравится литература и наука; Russian people love Indian culture, old Indian movies and music* / «Русские люди любят индийскую культуру, старые индийские фильмы и музыку»; *Здесь люди любят свою культуру и язык.*

Субпризнак «календарные праздники» (39):

Они (русские и осетины) мало веселятся на праздниках; Здесь мало используют фейерверки; I celebrate all national holidays in Vladikavkaz and I know many Ossetian holidays / «Я отмечаю все национальные праздники во Владикавказе, и я знаю много осетинских праздников»; *I like Victory Day and the day of different nationalities in Vladikavkaz* / «Мне нравится День Победы и день разных национальностей во Владикавказе».

Третий год обучения характеризуется стремлением к расширению практики общения на русском языке, владение которым повышает эффективность социокультурной интеграции иностранных студентов и их самооценку.

Случаи обращения к переводческой стратегии минимизируются. Ментальный лексикон пополняется осетинскими словами и выражениями, повторяющимися в коммуникативных ситуациях, встречающимися на вывесках, рекламе или ценниках в магазинах, в русской транслитерации или упрощенном варианте написания: *Цас каны?* вместо осет. *Цас каены?* «Сколько стоит?»; *кабускачын* вместо осет. *кабускъаджын* «осетинский пирог с капустой»; *фычик* вместо осет. *фыджын* «осетинский пирог с мясной начинкой»; *там* вместо осет. и рус. *симд* «национальный танец». Как показало предыдущее исследование [22] и подтверждает настоящее, ведущим каналом восприятия иноязычной речи у индийских студентов является аудиальный. Высказывание, приведенное респондентами в качестве реакции на стимул, является ярким подтверждением сделанному выводу: ...*Может быть, я ошибаюсь в названии танца, но я видел много раз этот традиционный танец там (симд).*

Фактор длительного пребывания в новой социокультурной среде актуализировал адаптационные механизмы антиципации у индийских студентов как представителей низкоконтекстной и полихронной культуры. При сохранении безусловного приоритета собственной национальной идентичности с присущими ей ценностями индийцы констатируют различия в привычках и традициях (нейтральная оценочность) и позитивно оценивают импонирующие представителям Индии как многоязычного и поликультурного государства черты русской и осетинской культур. Наибольшую эмпатию у индийцев вызывают национальные и этнические праздники, а также факт многолетней дружбы Индии и России.

2016–2017 (четвертый год обучения).**1. Когнитивный признак «пищевое поведение» (200):**

осет. *дзул* «хлеб»; осет. *сæкæр* «сахар»; *The food is totally different* / «Еда абсолютно другая»; *На рынке нет индийских продуктов*; *Фастфуд в России другой*; осет. *харбыз* «арбуз»; осет. *судзаг* «горький»; *уалибах* / «осетинский пирог с сырной начинкой».

2. Когнитивный признак «языки общения» (66):

Русский язык очень трудный, но сейчас я адаптировался и хорошо понимаю его; *Здесь* (во Владикавказе) *много разных языков, которые я не понимаю*; *На рынке люди используют другой язык* (не русский); *Осетинский язык очень нравится мне*; *Я не понимаю осетинский язык, только некоторые слова, например, осет. Салам!* «Привет!», *Агас цу!* «Здравствуй!», осет. *бузныг* «спасибо», осет. *Куыд у?* «Как ты?», *мбал* (осет. *æмбал* «друг»), *фсымар* (осет. *æфсымæр* «брат»); *Я могу говорить слова хадзар* (осет. *хæдзар* «дом»), осет. *фаендаг* «дорога», осет. *зымæг* «зима», осет. *лаг* «мужчина».

3. Когнитивный признак «культурные события» (130).**Субпризнак «культурное своеобразие» (67):**

Я обратил внимание на культурную программу: кавказские танцы, осетинские пироги; *Я видел их танцы и традиционная одежда*; осет., рус. *симд* «осетинский танец»; осет. ирон. *кафт* «осетинский танец»; *Валерий Гергиев; роцца Хетага* (священное место для осетин); *Я ходил в музей и видел там культуру осетин; интересные традиции свадьбы и красивые костюмы.*

Субпризнак «календарные праздники» (63):

9 мая, День победы; День города; день святого Хетага; Мало священных религиозных обрядов и традиций во Владикавказе; День учителя; Русский новый год; Рождество и 23 февраля; Пасха; День России и День Победы, Женский день. Я праздную все праздники; осет. *Ног аз* «Новый год».

Включение иностранных студентов в контекст русско-осетинского двуязычия в ситуациях бытового и межличностного общения обусловлено фактом аудиальной дифференциации индийцами диалектов и говоров осетинского языка. Среди названий повседневных продуктов питания на осетинском языке, свободно употребляемых индийцами, – *дзул* «хлеб», *сæкæр* «сахар», *уалибах* (вместо осет. *уæлибаæх*) «осетинский пирог с сырной начинкой» – присутствует лексема *харбыз* «арбуз», ассоциирующаяся у информантов с когнатами на хинди *тарбууз* «арбуз» и *кхарбуузаа* «дыня» в славянской транскрипции.

Фастфуд в России явился одним из разочарований для индусов, поскольку, с одной стороны, международная система быстрого питания в Индии ориентирована на традиционные предпочтения в еде – жареное тесто с соусами и приправами, с другой – на индийских улицах готовятся разнообразные виды local food, национальной еды быстрого приготовления. Реакция осет. *судзаг* «горький, перченый» среди приведенных ассоциатов не случайна: индийцы имеют обыкновение делиться приготовленными блюдами с соседями, преподавателями, однокурсниками, которые характеризуют индийскую еду как слишком перченую словом *судзаг*.

Осетинские формулы приветствия – *Салам!* «Привет!», *Агас цу!* (осет. *Æгас цу!* «Здравствуй!»), *Куыд у?* «Как ты?» – и обращение к мужчине в Северной

Осетии *фсымар* (осет. *æфсымаер* «брат») в ответах респондентов свидетельствуют о совпадении у индийцев и осетин семейных ценностей. Проанализированные ассоциаты маркируют глубину процесса адаптации индусов к прагматике социально-коммуникативной системы во Владикавказе.

Знание известных деятелей мировой культуры, осетин по национальности (Валерий Гергиев), названий русских и осетинских праздников и участие в них во время вузовских мероприятий или общения с однокурсниками демонстрирует значительную интеграцию русской и осетинской картин мира в ментальность студентов из Индии.

2015–2016 (пятый год обучения).

1. Когнитивный признак «культурные события» (114).

Субпризнак «культурное своеобразие» (58):

Нартский эпос; аланы; город мертвых; Коста Хетагуров; рус. хонга (осет. *хонга* – «национальный осетинский танец»; *Кона* (осет. *Къона* «ансамбль осетинского песнопения и музыкальных инструментов»); *Я видел осетинские танцы на проспекте Мира.*

Субпризнак «календарные праздники» (56):

День независимости; День России; День города (Владикавказ); осет. *Джеоргуыба* («осетинский праздник в честь святого Уастырджи – покровителя мужчин и путников»); осет. *Чырысти райгас!* («Христос Воскресе!»); осет. *Ног азы хорзæх уæ уæд!* («С новым годом!»).

2. Когнитивный признак «пищевое поведение» (99):

Я готовлю сам разные индийские блюда; Иногда я покупаю пирожки с картошкой или капустой; Осетинский сыр очень вкусный; Иногда мы делаем суп Магги, добавляем рис или что-то еще; Здесь икра очень дорогая и русские ее едят в сыром виде; У нас люди не едят рыбью икру, они позволяют им быть рыбой; Я люблю цыхт («осетинский сыр») *с хлебом; сахараджын* («осетинский пирог со свекольными листьями»); *адджын* («сладкий»).

3. Когнитивный признак «языки общения» (78):

Я понимаю некоторые осетинские слова; Есть много общих слов в хинди и осетинском, такие как харбыз («арбуз»), *дас* (осет. *дæс* «десять»), *нана* («бабушка»); *Я сразу запомнил слова дохтыр* («врач») *и хорз* («хороший»); *Магазин называется* (во Владикавказе) *дукани; ахуырмæ* («на учебу»); *хахта* (осет. *хæхтæ* «горы»); *цомут* («идем»); *Цас кæны?* («Сколько стоит?»); *дзурын* («говорить»); *Уары* («Идет дождь»); *иу* («один»); *дыууæ* («два»); *æртæ* («три»); *ном* («имя»); *зымæг* («зима»).

По мере адаптации в языковом ареале Северной Осетии индийские студенты осознали близость хинди и осетинского языка как языков индоиранской ветви, что породило стратегию языкового сравнения как приема для запоминания новых слов. Студенты констатировали, что семантика и/или славянская графика и произношение ряда слов на хинди и осетинском языке таких лексем, как осет. *дæс* / хинд. *дас* «десять», *нана* осет. «бабушка»/ хинд. «дедушка по матери», *дада* осет. «пожилой человек, дедушка» / хинд. «дедушка по отцу», *баба* осет. «дедушка» / хинд. «почтительная форма обращения к отцу и пожилым уважаемым

мужчинам». Индийцы легко запоминают разноязычные слова-когнаты: осет. *дохтыр* / рус. *доктор* / англ. *doctor* «врач», осет. *ном* / англ. *name* «имя», осет. *хорз* / рус. *хороший*, осет. *дыууæ* / рус. *два*; осет. *зымаг* / рус. *зима*.

Об эффективности интеграции иностранных студентов в билингвальную социокультурную среду Владикавказа свидетельствует функциональное использование русского языка, более детальное знакомство с осетинской историей и искусством, употребление ритуального христианского возгласа *Чырысти райгас!* «Христос Воскресе!» и поздравительной формулы *Ног азы хорзæх уæ уæд!* «С новым годом!» на осетинском языке; а также включение в лексикон повседневных разговорных выражений: *цомут* «идем»; *Цас кæны?* «Сколько стоит?»; *ахуырмæ* «на учебу»; *Уары* «Идет дождь». Заметим, что климат в Северной Осетии выходцам из Индии кажется довольно влажным.

Настоящее замешательство испытали индийские студенты в ходе знакомства с такими культурными лакунами, как красная и черная икра, поскольку, с одной стороны, в индийских реках не нерестятся лососевые породы рыб, с другой – в этой стране не принято употребление в пищу рыбьей икры, тем более не подвергшейся тепловой обработке.

Особой популярностью у иностранных студентов во время учебы во Владикавказе пользуется осетинский сыр *цыхт* благодаря сходству его вкусовых качеств с продуктом, добавляемым в большинство индийских блюд. Так, осетинские пироги с сыром (*уæлибаæх*), а также с сыром и свекольными листьями (*цахæраджын*) расширили пищевую картину мира иностранных студентов.

Осетинское слово *адджын* «сладкий» закрепилось в лексиконе индийцев благодаря комментариям их друзей и знакомых во Владикавказе, которых они угощали национальными десертами, чрезвычайно сладкими, по мнению владикавказцев.

В табл. 1 приведены ядерные признаки ассоциативного пласта концепта рус. «Владикавказ» / англ. “Vladikavkaz” / осет. «Дзæуджыхъæу», актуализируемые в зависимости от этапа обучения студентов-индийцев в Северной Осетии, – с первого года погружения в русско-осетинский коммуникативный ландшафт по пятый год нахождения в республике – с учетом количества студентов-индийцев на данный период. В таблице также представлено количество реакций на русском (Р), осетинском (О) и английском (А) языках в указанный период, репрезентирующее рассмотренные когнитивные признаки.

Наиболее частотные реакции приходятся на нуклеарный признак «пищевое поведение» (всего – 780) – 42% – 181 реакция (1 г. обуч.), 40% – 190 реакций (2 г. обуч.), 39% – 110 реакций (3 г. обуч.), 38% – 200 реакций (4 г. обуч.), 34% – 99 реакций (5 г. обуч.). Вторую позицию с меньшей частотностью в ядре занимает когнитивный признак «языки общения» (всего – 612) – 22% – 90 реакций (1 г. обуч.), 34% – 164 реакции (2 г. обуч.), 32% – 92 реакции (3 г. обуч.), 36% – 188 реакций (4 г. обуч.), 27% – 78 реакций (5 г. обуч.). На третьей позиции по частотности реакций располагается когнитивный признак «культурные события» (всего – 600) – 36% – 156 реакций (1 г. обуч.), 26% – 120 реакций (2 г. обуч.), 29% – 80 реакций (3 г. обуч.), 26% – 130 реакций (4 г. обуч.), 39% – 114 реакций (5 г. обуч.), структурируемый субпризнаками «календарные праздники» (всего – 323) – 20% – 85 реакций (1 г. обуч.), 18% – 80 реакций (2 г. обуч.), 15% – 39 реакций (3 г. обуч.),

Табл. 1

Ядро ассоциативного пласта концепта рус. «Владикавказ» / англ. “Vladikavkaz” / осет. «Дзауджыхъæу»

Год обучения	Когнитивный признак (субпризнак)	Количество реакций на русском, осетинском и английском языках
1 год обучения (2019–2020) – 55 студентов	Пищевое поведение	42% (181) – А (172) / Р (9) / О (0)
	Языки общения	22% (90) – А (71) / Р (19) / О (0)
	Культурные события:	36% (156) – А (150) / Р (6) / О (0):
	календарные праздники	20% (85) – А (82) / Р (3) / О (0)
2 год обучения (2018–2019) – 66 студентов	Культурное своеобразие	16% (71) – А (68) / Р (3) / О (0)
	Пищевое поведение	40% (190) – А (150) / Р (36) / О (3)
	Языки общения	34% (164) – А (95) / Р (69) / О (0)
	Культурные события:	26% (120) – А (94) / Р (26) / О (0):
3 год обучения (2017–2018) – 52 студента	календарные праздники	18% (80) – А (60) / Р (20) / О (0)
	культурное своеобразие	8% (40) – А (34) / Р (6) / О (0)
	Пищевое поведение	39% (110) – А (56) / Р (44) / О (10)
	Языки общения	32% (92) – А (44) / Р (40) / О (8)
4 год обучения (2016–2017) – 92 студента	Культурные события:	29% (80) – А (40) / Р (33) / О (7):
	культурное своеобразие	15% (41) – А (23) / Р (13) / О (5)
	календарные праздники	14% (39) – А (19) / Р (18) / О (2)
	Пищевое поведение	38% (200) – Р (107) / А (53) / О (40)
5 год обучения (2015–2016) – 60 студентов	Языки общения	36% (188) – Р (112) / О (43) / А (33)
	Культурные события:	26% (130) – Р (72) / О (29) / А (28):
	культурное своеобразие	14% (67) – Р (34) / О (21) / А (12)
	календарные праздники	12% (63) – Р (38) / О (16) / А (8)
(2015–2016) – 60 студентов	Пищевое поведение	34% (99) – Р (57) / О (42) / А (0)
	Языки общения	27% (78) – Р (51) / О (29) / А (0)
	Культурные события:	39% (114) – Р (81) / О (33) / А (0):
	культурное своеобразие	20% (58) – Р (40) / О (18) / А (0)
календарные праздники	19% (56) – Р (41) / О (15) / А (0)	

14% – 63 реакции (4 г. обуч.), 19% – 56 реакции (5 г. обуч.) и «культурное своеобразие» (всего – 277) – 16% – 71 реакция (1 г. обуч.), 8% – 40 реакций (2 г. обуч.), 14% – 41 реакция (3 г. обуч.), 13% – 67 реакций (4 г. обуч.), 20% – 58 реакций (5 г. обуч.).

Наибольшее количество реакций представлено на английском языке (всего – 986) – 92% – 393 реакций (1 г. обуч.), 71% – 339 реакций (2 г. обуч.), 49% – 140 реакций (3 г. обуч.), 22% – 114 реакций (4 г. обуч.), 0% – 0 реакций (5 г. обуч.).

Количество ответов на русском языке и их лексико-грамматическая правильность возрастают по мере его освоения (всего – 762) – 7% – 34 реакции (1 г. обуч.), 27% – 131 реакция (2 г. обуч.), 41% – 117 реакций (3 г. обуч.), 56% – 291 реакция (4 г. обуч.), 64% – 189 реакций (5 г. обуч.). Наименьшее количество реакций зафиксировано на осетинском языке как региональном компоненте (всего – 160) – 0% – 0 реакций (1 г. обуч.), 1% – 3 реакции (2 г. обуч.), 8% – 25 реакций (3 г. обуч.), 21% – 112 реакций (4 г. обуч.), 35% – 104 реакции (5 г. обуч.).

В первый год обучения доминирует английский язык – 92% (393), фиксируется незначительное количество усвоенных лексем русского языка – 7% (34) и фоновое восприятие осетинского – 0% (0). На второй год обучения также базовым языком остается английский – 71% (339), но увеличивается количество

реакций на русском языке – 27% (131) и появляются единичные ответы на осетинском языке – 1% (3). Третий год обучения характеризуется примерно равными долями использования английского и русского языковых кодов – 49% (140) и 41% (117) соответственно. Осетинский язык принимающего региона начинает осознаваться как дополнительная языковая реальность – 8% (25). В реакциях индийских студентов четвертого года обучения зафиксировано значительное преобладание русского языка – 56% (291) по сравнению с английским – 22% (114). Кроме того, растет количество ответов на осетинском языке – 21% (112). Пятый год обучения характеризуется полной адаптацией к русскоязычной среде, что проявилось как отсутствие реакций на английском языке – 0% (0), преобладание ответов на русском – 64% (189) и включение осетинского языка в полилингвальный набор индийцев – 35% (104).

Заключение

Таким образом, ядро ассоциативного пласта концепта рус. «Владикавказ» / англ. “Vladikavkaz” / осет. «Дзæуджыхъæу» составили когнитивные признаки «пищевое поведение», «языки общения», «культурные события», а также субпризнаки «культурное своеобразие» и «календарные праздники».

Отметим также, что студенты из Индии проявили стратегическую гибкость, интегрируясь в уникальный культурно-языковой ландшафт Северо-Осетинского региона. Динамика адаптации иностранных студентов на стратегическом уровне прослеживается от применения приемов перевода с международного английского языка на русский для поддержания коммуникации на начальном этапе обучения и эволюционирует до включения в русско-осетинское двуязычие на пятом году пребывания в республике. Фундаментом для углубления языковых ресурсов и расширения кодов коммуникативного репертуара послужили языковое родство, опора на аудиальный канал восприятия чужой речи и индивидуально применяемые техники межъязыкового сравнения.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 20-512-07003.

Источники

CEP – Council of Europe Portal. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/lang-migrants/forms-of-linguistic-integration>, свободный.

Литература

1. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира как предмет психолингвистического исследования // *Язык і Metoda*. – 2016. – № 2. – С. 249–256.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Концепты и межкультурная коммуникация // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2002. – № 1. – С. 117–121.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание: Вопросы, теории и методологии. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – 313 с.

4. Психолингвистика и лексикография: Сб. науч. тр. / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. – 160 с.
5. *Стешина Е.Г., Сботова С.В., Стаброва А.А.* Использование свободного ассоциативного эксперимента при обучении иностранному языку // Молодой ученый. – 2015. – № 11. – С. 1697–1699.
6. *Голубева Е.В.* Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов-китайцев, изучающих РКИ // Вестн. Калмыц. ун-та. – 2018. – № 39. – С. 72–80.
7. *Гуц Е.Н, Елисеева Н.Н.* Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления уровня сформированности языковой компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык // Наука о человеке: Гуманит. исслед.. – 2014. – Т. 15, № 1. – С. 198–207.
8. *Архипова С.В.* Ассоциативный эксперимент в психолингвистике, виды ассоциативного эксперимента // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2011. – № 11. – С. 6–9.
9. *Евсеева О.В.* Ассоциативный эксперимент как исследовательская процедура в психолингвистике // Вестн. Южн.-Урал. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2009. – № 2. – С. 82–84.
10. *Закорко С.В.* Свободный ассоциативный эксперимент как основной метод психолингвистического исследования // Наука о человеке: Гуманит. исслед. – 2012. – № 1. – С. 1–4.
11. *Борисова Ю.А.* Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8. – № 1А. – С. 265–275. – doi: 10.25799/AR.2019.43.1.074.
12. *Хизроева З.М.* Ассоциативный эксперимент как метод оценки уровня владения иностранным языком // Изв. Дагестан. гос. пед. ун-та. Псих.-пед. науки. – 2008. – № 3. – С. 14–19.
13. *Пустошило Е.П., Аннаева О.И.* Межкультурная коммуникация в медицинской сфере: результаты ассоциативного эксперимента // Журн. Гроднен. гос. мед. ун-та. – 2018. – Т. 16, № 4. – С. 481–485. – doi: 10.25298/2221-8785-2018-16-4-481-485.
14. *Федотова В.А.* Опыт экспериментального исследования адаптационных компетенций арабских и индийских студентов // Вестн. НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 109–119. – doi: 10.25205/1818-7935-2019-17-3-109-119.
15. *Meir N., Avramenko M., Verkhovtceva T.* Israeli Russian: Case morphology in a bilingual context // Russ. J. Linguist. – 2021. – V. 25, No 4. – P. 886–907. – doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-4-886-907.
16. *Isurin L.* Does language transfer explain it all? The case of first language change in Russian-English bilinguals // Russ. J. Linguist. – 2021. – V. 25, No 4. – P. 908 – 930. – doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-4-908-930.
17. *Protassova E., Suryanarayan N., Yelenevskaya M.* Russian in the multilingual environment of three Asian countries // Russ. J. Linguist. – 2021. – V. 25, No 4. – P. 981–1003. – doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003.
18. *Шнайдер У.* Иммиграция – языковая компетенция – интеграция в Германии // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2007. – Т. 13. – С. 184–188.
19. *Тамерьян Т.Ю.* Когнитивное моделирование биполярной концептуальной области «толерантность-интолерантность» (по данным опроса среди североосетинской молодежи) // Полит. лингвистика. – 2021. – № 1. – С. 21–32. – doi: 10.12345/1999-2629_2021_01_02.
20. *Тамерьян Т.Ю., Валиева Т.С.* Лингвокультурные типы «пожилой человек» и «ацаергае адаймаг» в русском и осетинском языковом сознании. – Владикавказ: СОГУ, 2011. – 203 с.

21. *Tameryan T.Yu., Zyubina, I.A., Dzhigkaeva A.V.* Thematic representation and linguo-cognitive structure of the businesswoman image from the perspective of gender-professional axiology // *RUDN J. Lang. Stud., Semiotics Semantics.* – 2021. – V. 12, No 4. – P. 1216–1235. – doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-1216-1235.
22. *Датиева Я.В., Тамерьян Т.Ю.* Межъязыковая интерференция: доминантные каналы перцепции // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* – 2021. – № 3. – С. 195–208. – doi: 10.29025/2079-6021-2021-3-195-208.
23. *Ардила А., Маслова О.В., Новикова И.А.* Разработка и психометрическая проверка шкалы аккультурации иностранных студентов к России // *Вестн. РУДН. Сер. Психология и педагогика.* – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 393–415. – doi: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-393-415.
24. *Isurin L.* Does language transfer explain it all? The case of first language change in Russian-English bilinguals // *Russ. J. Linguist.* – 2021. – V. 25, No 4. – P. 908–930. – doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-4-908-930.
25. *Tameryan T.Y., Zheltukhina M.R., Anikejeva I.G., Arkhipenko N.A., Soboleva E.I., Skuybedina O.N.* Language explication of the conceptualized meanings in ethno-cultural and socio-political aspects of discourse // *Opción.* – 2020. – V. 36, Spec. No 26. – P. 456–475.
26. *Парамонова Д.В., Желтухина М.Р.* Медиатрансляция образа России в дихотомии «власть – оппозиция» в американских, британских и испанских СМИ // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* – 2021. – № 4. – С. 147–162.
27. *Vorozhbitova A.A., Konovalova G.M., Ogneva T.N., Chekulaeva N.Y.* Continuous linguistic rhetorical education as a means of optimizing language policy in Russian multinational regions // *Eur. J. Contemp. Educ.* – 2017. – V. 6, No 2. – P. 328–340. – doi: 10.13187/ejced.2017.2.328.
28. *Rahman F., Mahmud I., Jiang B., Sarker K.* Extending the theory of planned behavior: A case of learning Chinese as a third language // *Int. J. Instr.* – 2022. – V. 15, No 1. – P. 945–964. – doi: 10.29333/iji.2022.15154a.
29. *Русан А.В.* Смешение и переключение кодов речи чешских эмигрантов // *Международ. науч.-исслед. журн.* – 2016. – № 6, ч. 4 – С. 56–60. – doi: 10.18454/IRJ.2016.48.167.
30. *Егоров В.Г.* Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве // *Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика.* – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 1189–1215. – doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215.

Поступила в редакцию
17.01.2022

Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, д. 44-46, г. Владикавказ, 362025, Россия
E-mail: tamertu@mail.ru

Датиева Яна Валерьевна, аспирант кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей; преподаватель кафедры иностранных языков

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, д. 44-46, г. Владикавказ, 362025, Россия
Северо-Осетинская государственная медицинская академия
ул. Пушкинская, д. 40, г. Владикавказ, 362025, Россия
E-mail: yanadatiyeva@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.163-179

**Multilingual Worldview as a Reflection
of the Dynamics of Integration Processes**T.Yu. Tameryan^{a*}, Ya.V. Datiyeva^{a,b**}^aNorth Ossetian State University, Vladikavkaz, 362025 Russia^bNorth Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz, 362025 RussiaE-mail: ^{*}tamertu@mail.ru, ^{**}yanadatiyeva@mail.ru

Received January 17, 2022

Abstract

This article discusses the phased introduction of new cultural elements into the linguistic consciousness of foreigners living in North Ossetia. The study aims to explore the dynamics of foreign language acquisition in the North Ossetian multicultural environment and to model the linguistic landscape segments of its polylingual population. A detailed analysis of the reactions to a complex stimulus describing how foreigners receive education in regional Russia was carried out. Based on the results of the experiment and the analysis of verbal representations, the conceptual and polar evaluative subfeatures structuring each subarea were modeled. The communicative strategies used by foreigners to respond to the stimulus at each stage of their integration into the new cultural and linguistic environment were revealed. The embedding of foreign cultural elements into the linguistic consciousness of immigrants was specified. The sequence of changing and switching of the language codes determined by the depth of immersion in the foreign natural language conditions was registered during the experiment.

Keywords: polylingualism, associative experiment, language acquisition monitoring, conceptual modeling, dynamics of integration, communication strategy

Acknowledgments. This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Education and Science of the Republic of South Ossetia (project no. 20-512-07003).

References

1. Ufimtseva N.V. Linguistic worldview as a subject of psycholinguistic research. *Język i Metoda*, 2016, no. 2, pp. 249–256. (In Russian)
2. Popova Z.D., Sternin I.A. Concepts and intercultural communication. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2002, no. 1, pp. 117–121. (In Russian)
3. Popova Z.D., Sternin I.A. *Yazyk i natsional'noe soznanie: Voprosy teorii i metodologii* [Language and National Consciousness: Problems of Theory and Methodology]. Voronezh, Voronezh. Gos. Univ., 2002. 313 p. (In Russian)
4. Rudakov A.V. (Ed.) *Psikholingvistika i leksikografiya: Sb. nauch. tr.* [Psycholinguistics and Lexicography: A Collection of Research Articles]. Voronezh, OOO "RITM", 2020, no. 7. 160 p. (In Russian)
5. Steshina E. G., Glashtova S.V., Stabrova A.A. The use of free associative experiment in teaching a foreign language. *Molodoi Uchenyi*, 2015, no. 11, pp. 1697–1699. (In Russian)
6. Golubeva E.V. Results of an associative experiment among Chinese students studying Russian as a foreign language. *Vestnik Kalmytskogo Universiteta*, 2018, no. 39, pp. 72–80. (In Russian)
7. Guts E.N., Eliseeva N.N. Associative experiment as a tool for identifying the level of language competence among foreign students studying Russian. *Nauka o Cheloveke: Gumanitarnye Issledovaniya*, 2014, vol. 15, no. 1, pp. 198–207. (In Russian)

8. Arkhipova S.V. Associative experiment in psycholinguistics, types of associative experiment. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2011, no. 11, pp. 6–9. (In Russian)
9. Evseeva O.V. Associative experiment as a research procedure in psycholinguistics. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2009, no. 2, pp. 82–84. (In Russian)
10. Zakorko S.V. Free associative experiment as the main method of psycholinguistic research. *Nauka o Cheloveke: Gumanitarnye Issledovaniya*, 2012, no. 1, pp. 1–4. (In Russian)
11. Borisova Yu.A. Associative experiment in modern psycholinguistic research. *Psikhologiya. Istoriko-Kriticheskie Obzory i Sovremennye Issledovaniya*, 2019, vol. 8, no. 1A, pp. 265–275. doi: 10.25799/AR.2019.43.1.074. (In Russian)
12. Khizroeva Z.M. Associative experiment as a method for assessing the level of proficiency in a foreign language. *Izvestiya Dagestanskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Psikhologo-Pedagogicheskie Nauki*, 2008, no. 3, pp. 14–19. (In Russian)
13. Pustoshilo E.P., Annaeva O.I. Intercultural communication in the medical field: Results of an associative experiment. *Zhurnal Grodnenskogo Gosudarstvennogo Meditsinskogo Universiteta*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 481–485. doi: 10.25298/2221-8785-2018-16-4-481-485. (In Russian)
14. Fedotova V.A. The experimental research on the adaptive competencies of Arab and Indian students. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 109–119. doi: 10.25205/1818-7935-2019-17-3-109-119. (In Russian)
15. Meir N., Avramenko M., Verkhovtceva T. Israeli Russian: Case morphology in a bilingual context. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 886–907. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-4-886-907.
16. Isurin L. Does language transfer explain it all? The case of first language change in Russian-English bilinguals. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 908–930. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-4-908-930.
17. Protassova E., Suryanarayan N., Yelenevskaya M. Russian in the multilingual environment of three Asian countries. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 981–1003. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003.
18. Schneider U. Immigration – linguistic competence – integration in Germany. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 2007, vol. 13, pp. 184–188. (In Russian)
19. Tameryan T.Yu. Cognitive modeling of the bipolar conceptual domain “tolerance-intolerance” (according to a survey among the North Ossetian youth). *Politicheskaya Lingvistika*, 2021, no. 1, pp. 21–32. doi: 10.12345/1999-2629_2021_01_02. (In Russian)
20. Tameryan T.Yu., Valieva T.S. *Lingvokul'turnye tipazhy “pozhiloi chelovek” i “atsaerhae adaeymah” v Russkom i osetinskom yazykovom soznanii* [Linguistic and Cultural Types of an “Elderly Person” and “atsaerhae adaeymah” in the Russian and Ossetian Linguistic Consciousness]. Vladikavkaz, SOGU, 2011. 203 p. (In Russian)
21. Tameryan T.Yu., Zyubina I.A., Dzhigkaeva A.V. Thematic representation and linguo-cognitive structure of the businesswoman image from the perspective of gender-professional axiology. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 1216–1235. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-1216-1235.
22. Datiyeva Ya.V., Tameryan T.Yu. Language transfer: Dominant channels in perception. *Aktual'nye Problemy Filologii i Pedagogicheskoi Lingvistiki*, 2021, no. 3, pp. 195–208. doi: 10.29025/2079-6021-2021-3-195-208. (In Russian)
23. Ardila A., Maslova O.V., Novikova I.A. Development and psychometric verification of the scale of acculturation of foreign students to Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i Pedagogika*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 393–415. doi: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-393-415. (In Russian)
24. Isurin L. Does language transfer explain it all? The case of first language change in Russian-English bilinguals. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 908–930. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-4-908-930.
25. Tameryan T.Y., Zheltukhina M.R., Anikejeva I.G., Arkhipenko N.A., Soboleva E.I., Skuybedina O.N. Language explication of the conceptualized meanings in ethno-cultural and socio-political aspects of discourse. *Opción*, 2020, vol. 36, spec. no. 26, pp. 456–475.
26. Paramonova D.V., Zheltukhina M.R. Broadcast of the image of Russia in the dichotomy of “authorities – opposition” in the American, British, and Spanish media. *Aktual'nye Problemy Filologii i Pedagogicheskoi Lingvistiki*, 2021, no. 4, pp. 147–162. (In Russian)

27. Vorozhbitova A.A., Konovalova G.M., Ogneva T.N., Chekulaeva N.Y. Continuous linguistic rhetorical education as a means of optimizing language policy in Russian multinational regions. *European Journal of Contemporary Education*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 328–340. doi: 10.13187/ejced.2017.2.328.
28. Rahman F., Mahmud I., Jiang B., Sarker K. Extending the theory of planned behavior: A case of learning Chinese as a third language. *International Journal of Instruction*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 945–964. doi: 10.29333/iji.2022.15154a.
29. Rusan A.V. Code mixing and switching in the speech of Czech emigrants. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal*, 2016, no. 6, pt. 4, pp. 56–60. doi: 10.18454/IRJ.2016.48.167. (In Russian)
30. Egorov V.G. Russian language in the global linguocultural space. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya Yazyka. Semiotika. Semantika*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 1189–1215. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Тамерьян Т.Ю., Датиева Я.В. Полилингвальная картина мира как отражение динамики интеграционных процессов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 1–2. – С. 163–179. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.163-179. ⟩

⟨ **For citation:** Tameryan T.Yu., Datiyeva Ya.V. Multilingual worldview as a reflection of the dynamics of integration processes. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 1–2, pp. 163–179. doi: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.163-179. (In Russian) ⟩